

— Кня...! — новоприбывший едва успел вскинуть руки в приветственном жесте, как Ван Цзо нетерпеливо махнул ладонью.

Стоявший рядом Ван Фугуй тут же многозначительно зыркнул на стражников. Те слаженно навалились скопом, скрутили гостя и вместе с его повозкой быстро уволокли со двора, проигнорировав и крики, и яростное сопротивление.

Ван Цзо развернулся и направился в дом. Ван Фугуй преданно засеменил следом, угодливо заглядывая в глаза:

— Ваше сиятельство, не соизволите ли откусать?

Ван Цзо промолчал. Он прошёл в столовую, где посреди комнаты высился добротный восьмиугольный стол из красного дерева в окружении круглых резных табуретов. На сиденьях лежали мягкие подушки, расшитые столь искусно, что у любого ценителя перехватило бы дыхание от такой роскоши.

Стол буквально ломился от изысканных кушаний. Янтарный карп в густом соусе, тушёная с кореньями курица, нежная паровая рулька, глазированные кисло-сладкие рёбрышки, хрустящий жареный горбыль... Повар превзошёл сам себя, вложив душу в каждое блюдо.

Даже обычное пшено томилось в горшочке не просто так — крупу варили не на воде, а на наваристом, прозрачном как слеза курином бульоне. Подобная изысканность была достойна императорского стола. Да и сами трепанги доставлялись с побережья под строгим надзором, ведь этот деликатес шёл прямым ходом в список дворцовой дани. Рядом исходил паром сладкий суп из древесных грибов с семенами лотоса и томилась в пиалах драгоценные ласточкины гнёзда.

Однако при виде этого гастрономического изобилия Ван Цзо лишь поморщился — аппетита не было вовсе.

— Хочу чего-нибудь попроще. Другого, — буркнул он.

Ван Фугуй тоскливо вздохнул:

— Ваше сиятельство, помилуйте! Наш маленький тюремщик Дин вернётся на службу только после Нового года...

Свой человек — это всё-таки сокровище. Они росли бок о бок с малых лет, и Фугуй читал мысли молодого князя как раскрытую книгу.

— Тогда вели налепить мне пельменей. Свежих, с душистым луком и яйцом! — Ван Цзо решительно отложил палочки для еды. — А всю эту гору деликатесов забирай себе.

Ван Фугуй комично округлил глаза:

— Да я бы и сам сейчас душу продал за порцию таких пельменей!

— Так в чём дело? Живо на кухню!

— Так беда в том, господин, что яйца-то у нас есть, а вот лук — только заготовленный с осени, солёный. Свежих перьев сейчас во всей управе днём с огнём не сыскать!

Ван Цзо лишь тоскливо промолчал.

Праздники пролетели, но заветных пельменей со свежим луком Ван Цзо так и не увидел. В суровых северных краях ни у кого, кроме Дин Тяня, не хватало чудачества и терпения возиться с зимними грядками прямо в жилых покоех. В конце концов князю пришлось довольствоваться начинкой из свинины с чесночными стрелками — и то верный слуга ухитрился раздобыть это чудо через третьи руки.

Пока томящийся в окружной управе Ван Цзо вспоминал нежные зелёные побеги из кадки маленького тюремщика, сам Дин Тянь дома вовсю хлопотал у печи — пёк праздничные паровые булочки-маньтоу.

Двадцать девятого дня последнего месяца года полагалось заниматься выпечкой. Замесили разное тесто: из тонкой белой муки, из смеси ячменной и пшеничной, а для начинки приготовили сладкую пасту из красных бобов. В доме стоял невообразимый чад и суета; просторный кан раскалился так, что на нём можно было изжариться заживо, но к вечеру хозяева всё же умудрились снять с огня несколько огромных, исходящих паром бамбуковых сит, полных пышных булочек.

Накануне Нового года, тридцатого числа, всю деревню захлестнула волна праздничного оживления. Шумные ватаги ребятишек носились по улицам, то и дело взрывая крохотные хлопушки. Дин Тянь, поддавшись общему настроению, вывел своих младших к воротам усадьбы и запалил две длинные связки петард — пусть громкий треск отгонит злых духов и призовет в дом удачу.

В Новый год полагается шуметь и радоваться, и в деревне семьи Дин обычаи чтили свято. С наступлением сумерек улочки расцветились огоньками: детишки несли яркие бумажные фонарики и самодельные факелы. Женщины, собравшись шумными стайками, повели ребятишек обходить деревню по кругу. Сделать нужно было ровно три оборота — этот древний обряд звался «изгнанием ста болезней». Верили, что после такого шествия никакая хворь в новом году не посмеет переступить порог.

Мужчины тем временем чинно прохаживались по соседям. Разумеется, никаких карт или маджонга у местных крестьян не водилось — откуда взяться грамоте для сложных игр? Да и азартные развлечения в былые времена оставались забавой богатеев, простому люду они были

не по карману.

Но Дин Тянь не растерялся и смастерил собственную настольную игру — старинные нарды-шуанлу! Да не простые, а огромные — расчертил плотный лист так, что тот занял добрую половину тёплого кана. Правила здесь проще некуда: бросай себе кости да двигай фишки, увлечься можно даже в одиночку. Но Дин Тянь затеял это ради общего веселья, а потому согнал на кан всю семью.

Фишки изображали разных персонажей: тут были и нежные барышни, и разбитные служанки, и бедные книжники, и brave генералы, и святые отцы-монахи, и важные сановники. Фигурок с лихвой хватило на каждого. Даже трёхлетнему карапузу, двоюродному братишке Дин Тяня, выделили почётную роль «великого чиновника» — малец просто вцепился в деревяшку, густо выкрашенную в нарядный алый цвет.

На игровом поле красовались очертания знаменитых монастырей. Попав в величественный храм Хуанцзи, игрок задерживался на ход, чтобы совершить курение благовоний. В Шаолине можно было обучиться боевым искусствам, однако путь туда для женщин был закрыт — женские фишки уныло пятились на шаг назад. Зато в заброшенной обители Ланьжо путников подстерегал призрак несчастной, загубленной девы.

Если же женская фишка оказывалась у ворот монастыря Железного порога, бедняжка застревала там на круг — это символизировало временное заточение. В те суровые времена благородных дам не бросали в обычные узилища к разбойникам; их содержали под строгим надзором в уединённых монастырских стенах.

Бедному книжнику, забредшему туда, и вовсе грозила немедленная неудача — фишка безжалостно возвращалась на старт. Бравым генералам и важным сановникам закон строго-настрого запрещал заглядывать в весёлые кварталы: угодив на клетку с публичным домом, они мгновенно отправлялись за решётку за аморальное поведение и пропускали ход. Зато бедному студенту в борделе велели слагать стихи прекрасным девам.

Если же в столь непотребное место заносило благородную барышню или её служанку, фишка с позором изгонялась в самый конец поля. Монаху, ясное дело, предписывалось молиться у алтарей, а в зловещей обители Ланьжо — читать сутры над душой неприкаянного призрака. Завидев на дороге девиц, святой отец испуганно пятился на три шага назад, а за дебош в трактире или визит к куртизанкам наказывался суточным арестом.

Затея Дин Тяня увенчалась полным успехом — весёлый смех и крики не затихали над каном. Второй дядя, увлекшись не на шутку, тут же внёс предложение:

— Слышь, Тянь-эр, а чего это у тебя только монахи заступаются за несчастных призраков? Большой чиновник на то и поставлен государем, чтобы вершить правосудие и карать злодеев!

Третий дядя тоже не остался в стороне:

— Верно! А генерал на игровом поле должен не просто штаны протирать, а вести полки на штурм вражеских крепостей!

В этом незамысловатом споре сквозила истинная натура суровых северных мужиков — даже за шутливой игрой они не забывали о ратном долге и справедливости.

— Ладно, дядя, уговорили, сейчас всё исправим, — легко согласился племянник и быстро набросал новые правила прямо на полях, заслужив одобрительные кивки старших.

Игра увлекла всех настолько, что о времени вспомнили, лишь когда с улицы донёсся оглушительный треск петард — соседи принялись жечь ритуальную бумагу, зазывая духов предков к домашним очагам. Пришла пора и семье Дин Тяня заняться предписанными ритуалами. Обряд поминания прошёл чинно: поклонились теням ушедших, зажгли ароматные палочки и выставили на алтарь лучшие кушанья.

Поскольку трёхлетний траур по отцу Дин Тяня наконец завершился, усадьба могла праздновать без прежних ограничений. Благодаря щедрым дарам, привезённым племянником из управы, праздничный стол буквально ломился от изобилия.

Посреди стола водрузили огромного зеркального карпа. Эту рыбу намеренно не доваривали до конца, ведь к ней запрещалось прикасаться на протяжении всей ночи — символ благополучия и достатка, вечный знак того, что в закромах всегда останутся излишки. Зато вокруг этого кулинарного стража выстроился круг из блюд, на которые можно было нападать без опаски.

Пылал жаром чугунок с домашней курицей и лесными грибами, исходила паром свиная грудинка с прозрачной лапшой, манила ароматом тушёная кислая капуста на свиных костях и сушёные стручки фасоли с сочными рёбрышками. Мяса в котлы не жалели — праздник выдался на редкость сытным. Даже праздничные пельмени начинили не обычной свининой, а дорогой говядиной со сладким зелёным луком. Из постного на столе красовались лишь тарелка быстро обжаренных бобовых ростков да миска с салатом из хрустящей капусты, лапши и тонкой соевой соломки.

Золотистые обжаренные колобки из тофу и хрустящие мясные шарики так и лоснились от жира. Освежить рецепторы должен был лёгкий суп из тонко нашинкованной редьки. Дин Тянь лично выдержал суровую битву у плиты, требуя не добавлять туда лишнего жира — иначе третья тётушка непременно бухнула бы в кастрюлю добрую ложку нутряного свиного сала.

Детворе налили по пиале тёплого супа, а взрослым поднесли по крохотной глиняной чарочке крепкого гаолянового вина. Теперь, когда старого Дин Дахая не стало, старшинство в роду перешло ко второму дяде, Дин Дацзяну. Он степенно поднял чарку:

— Ну, за здоровье! Год выдался непростой, потрудились мы на славу. Верю, что дальше наша жизнь пойдёт как по маслу — сытно да богато!

— И то верно, заживём на зависть соседям! — осклабился третий дядя, Дин Дахэ. — Слава богам, теперь и у нас за душой копейка водится.

— Да уж, теперь мы крепко стоим на ногах, — с улыбкой согласился Дин Тянь.

В душе его крепла глубокая благодарность этим простым, честным людям. С самой первой минуты, как он очутился в этом мире, родня окружила его искренней заботой. Даже самый маленький двоюродный братишка порой подходил, легонько касался его щеки тёплой ладошкой и заглядывал в лицо круглыми, понимающими глазёнками — детское сердечко чувало, сколько невзгод перенёс старший брат. От таких воспоминаний на душе становилось удивительно тепло.

Ужин подошёл к концу, все сидели раскрасневшиеся и довольные. На плите уже исходил паром густой отвар дикого боярышника — верное средство против тяжести в желудке после обильной мясной трапезы. Младшие дети, разморённые теплом и сытостью, не смогли дожидаться полуночи. Напившись кисло-сладкого питья, они дружно улеглись на краю кана и моментально уснули. Взрослые же гасить светильники не спешили, устроившись поудобнее для неторопливой ночной беседы.

— Слышь, Тянь-эр, тут наш Дин Кань, кажись, виды имеет на твою должность главного тюремщика, — вдруг вполголоса завел разговор второй дядя.

— Брат Кань? — удивился Дин Тянь, оторвавшись от чашки.

— Он самый. Да и Дин Мо тоже вокруг уездной управы крутится, надеется хоть какую-нибудь работу выхлопотать. У него ведь младшие братья совсем вошли в пору, а семья бедствует — ни одного женить не могут, девки в их дом идти не хотят. Вот они и зашевелились, когда увидели, сколько добра и серебра ты привёз в качестве наград... — Второй дядя причмокнул губами, подливая себе вина. — К тому же служба при казне — дело верное. Тут тебе и мелкие подношения, и, что самое главное, законное избавление всей семьи от казённой барщины и каторжных податей.

— Вот они и зашевелились, стоило старому старосте трех деревень пустить слух, что место скоро освободится, — подал голос третий дядя. — К тому же Чэн Да и Лю Сэнь тоже вернулись с добычей, привезли домой кучу всякого добра. Да и дела в уезде пошли на лад: прежнего негодяя-судью упекли за решётку, а новый уездный судья, господин Сюй, — человек нам понятный, старый знакомый.

Этот самый Сюй начал протаптывать дорожку к власти ещё года три назад. Мужик он был дальновидный и сразу смекнул: господин Ду в наших глухих краях ненадолго. Стоило закончить перестройку уездного города, как чиновнику была обеспечена прямая дорога наверх за столь весомые заслуги перед казной.

В те дни Сюй скромно надеялся занять хотя бы кресло помощника судьи, но судьба преподнесла ему невероятный подарок. Сменивший Ду спесивый дурак Ма ухитрился сжить

себя со свету собственными же руками, и освободившееся место судьи само упало Сюю в руки. Новый глава уезда отлично понимал свои пределы: ни великого ума, ни сильных покровителей в столице у него не водилось, так что прыгнуть выше головы он и не пытался. Сюй решил просто и честно тянуть лямку уездного правителя, не ввязываясь в опасные интриги.

Зато ладеть с людьми он умел мастерски. Едва завершились последние присутственные дни и судейская печать отправилась в ларец до окончания празднеств, он сразу же послал своего сына к старому старосте трех деревень с повозкой, доверху гружённой подарками.

Подношение вышло простым, без лишней роскоши: мешок жареного арахиса да семечек, сладкая гаоляновая тянучка, пара отрезов тонкого нарядного хлопка, рулоны прочной домотканины, коробка традиционных белых бисквитов да сладости с начинкой из красных бобов. Для праздничного стола Сюй добавил пару кувшинов отменного крепкого самогона-шаодаози, сочную баранью ногу и добрый десяток цзиней свежей свинины. Дорогими эти дары назвать было нельзя, но в деревне ценили не золото, а само уважение со стороны уездного начальства.

— Ну, раз есть желание — это уже полдела, — рассудил Дин Тянь. — Пристроить кого-то в служки управы я, конечно, не смогу, но вот в тюремном ведомстве моё слово ещё имеет вес. Да и преданный человек под рукой никогда не помешает. Так чего конкретно хочет брат Кань?

— Да вот спит и видит, как займет твоё место главного тюремщика. А старшего своего, Дин Хуа, хочет взять к себе простым тюремным стражником. Рассчитывает, что когда сам состарится и отойдет от дел, то передаст должность сыну по наследству, как у вас в роду велось.

Дин Тянь не удержался от смеха:

— Решил, значит, проторенной дорожкой пойти? Но ведь служба в узилище — клеймо на роду. Три поколения его потомков не смогут даже близко подойти к государственным экзаменам на чин. Неужели он готов лишить детей будущего?

— Какое там учение, Тянь-эр! Ты же сам знаешь их тоску. Дин Хуа ведь старше тебя на пару лет, а до сих пор в бобылях ходит. Сваты трижды в разные дома стучались, и везде им дали от ворот поворот — и всё из-за беспросветной бедности! — сокрушённо вздохнул третий дядя. — К тому же Хуа — старший сын в семье, а за ним ещё целая орава ртов тянется.

В деревнях законы суровые: парню, чтобы завести жену, нужно собрать приличный выкуп и сыграть свадьбу, а девок замуж без приданого не отдашь — заплуют ведь в новой семье, проходу не дадут. Да и какая невеста пойдёт в дом, где по углам ветер свищет? Родня жениха сразу смекнёт: приведёшь такую голодранку, а она начнёт втихомолку таскать добро из сусеков мужа своим вечно голодным братьям да сёстрам. Кому нужна невестка, у которой сердце не за мужа болит, а за родительский порог? Да и быть женой старшего брата в таком семействе — участь незавидная: на её плечи сразу ляжет забота обо всех младших. Тяжело это, ох как тяжело!

— Что ж, коли он всё взвесил и клейма служивого человека не боится, я не против уступить ему место главного тюремщика. Их семья действительно... эх! — Дин Тянь лишь сочувственно покачал головой, не зная, смеяться или плакать.

В здешних краях детская смертность обычно косила семьи нещадно, но у Дин Каня судьба распорядилась иначе: сколько детей жена ни рожала, все выжили и выросли крепкими. Орава получилась знатная, и бедному отцу приходилось выбиваться из сил, чтобы просто не дать им умереть с голоду.

В деревнях взрослели рано: едва парню исполнялось шестнадцать, как родители начинали присматривать ему невесту. С девками и того строже — если девица засиживалась в девках до восемнадцати лет, уездные чиновники самолично выдавали её замуж за первого встречного вдовца или калеку. Да и парню, если он не успевал обручиться до двадцати лет, найти хорошую партию становилось почти невозможно. Хуже всего, что по неписаному закону младшие не могли устраивать свою судьбу, пока старший брат оставался холостым.

Пока Дин Тянь улаживал дела с должностью, за разговорами о деревенских новостях незаметно пролетела ночь. Небо на востоке посветлело, возвещая приход первого утра нового года. Наступило время праздничных поздравлений и обрядов.

Дин Тянь чинно совершил земной поклон перед дядями и тётушками, за что получил четыре пухлых красных конверта с праздничными деньгами. Сам он тоже не поскупился и одарил младших братьев и сестёр: вручил каждому по длинной связке новеньких, ярко блестящих медных монет — ровно по сотне штук в руки. Такое богатство тянуло почти на целый лян серебром, но в крестьянском быту звонкая медь ценилась куда выше бездушного серебряного лома. Счастливая детвора запрыгала от восторга, наперебой оглашая дом звонкими криками:

— Спасибо, старший брат!

В первый день Нового года уходить со двора не полагалось, но ворота держали распахнутыми для бродячих артистов-янок. Их яркие выступления приносили в дом радость и сулили удачу на весь год, так что прогонять гостей никто бы не решился. Разумеется, за представление полагалось щедро платить: хозяева выносили артистам по десять-двадцать новеньких, не бывавших в ходу медных монет.

Для глухих деревень это было едва ли не единственным праздничным развлечением. За день во двор могло заглянуть несколько разных трупп, но после недавней разрухи и войн уцелело всего пять коллективов. Самой нарядной и весёлой оказалась заезжая труппа, добравшаяся из дальних краёв: артисты лихо разыгрывали сценки с бутафорскими лодками и ловко выплясывали на высоких ходулях, собрав у ворот толпу восторженных зевак.

Однако Дин Тянь, долго наблюдавший за их ужимками и прыжками, внезапно поймал себя на мысли, что эта весёлая ватага выглядит как-то странно. Присмотревшись к лицам гостей и их движениям, он нахмурился — эти люди решительно не походили на простых бродячих плясунов.

<http://bllate.org/book/19387/1997499>